

✦ Экспертиза

UDC 316.1

DOI: 10.30936/1606-951X-2018-20-1/2-158-191

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (А.М. Бекарев, И.Ф. Девятко, О.М. Журавлев, В.Г. Николаев, О.А. Оберемко, Д.Г. Подвойский, В.В. Радаев, Ю.М. Резник, Д.М. Рогозин, В.В. Щербина)

Бекарев Адриан Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского научно-исследовательского университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород). E-mail: adrian.bekarev@yandex.ru;

Девятко Инна Феликсовна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой анализа социальных институтов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва). E-mail: deviatko@gmail.com;

Журавлев Олег Михайлович – профессор Школы перспективных исследований Тюменского государственного университета (Тюмень), сотрудник Лаборатории публичной социологии (Россия). E-mail: o.zhuravlev@utmn.ru;

Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: vnik1968@yandex.ru;

Оберемко Олег Алексеевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: ooberemko@hse.ru;

Подвойский Денис Глебович – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов, ведущий научный сотрудник отдела теории и истории социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва). E-mail: dpodvoiski@yandex.ru;

Радаев Вадим Валерьевич – доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», первый проректор НИУ ВШЭ (Москва). E-mail: radaev@hse.ru;

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой философии ФСФ ИОН РАНХиГС (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru;

Рогозин Дмитрий Михайлович – кандидат социологических наук, заведующий лабораторией, Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ (Москва), старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва). E-mail: nizgor@gmail.com;

Щербина Вячеслав Вячеславович – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, заведующий кафедрой социологии организаций и социальных технологий социологического факультета РГГУ (Москва). E-mail: sherbina.vyacheslav@mail.ru.

Аннотация: Редакция журнала «Личность. Культура. Общество» организовала опрос (заочный форум) экспертов о состоянии современной российской социологии и перспективах ее развития. В анкету (авторы — Ю.М. Резник, В.Г. Николаев) вошли вопросы о состоянии теоретической и прикладной социологии, об институциональных условиях, в которых ныне находится российская социология (состоянии вузовской, академической и независимой социологии, разделении «центр/периферия», научных школах, профессиональных ассоциациях, применении наукометрических рейтингов в оценке научной работы), о причинах основных проблем в сегодняшней российской социологии и ее будущих перспективах.

В опросе приняли участие ведущие отечественные специалисты, представляющие широкий спектр мнений и точек зрения: А.М. Бекарев (Нижний Новгород), И.Ф. Девятко (Москва), О.М. Журавлев (Тюмень), О.А. Оберемко (Москва), Д.Г. Подвойский (Москва), В.В. Радаев (Москва), Д.М. Рогозин (Москва), В.В. Щербина (Москва).

После ответов экспертов приводится комментарий редакции.

Abstract: The editorial board of the journal «Personality. Culture. Society» has initiated a survey (extramural forum of experts) on contemporary condition of Russian sociology and its future prospects. The questionnaire (designed by Yu.M. Reznik and V.G. Nikolaev) included questions on present condition of theoretical and applied sociology, institutional setting of Russian sociology (condition of University, academic and independent sociological establishments; division of center and periphery; scientific schools; professional associations; application of scientometric ratings to evaluation of scientific work), on causes of the main problems in contemporary Russian sociology and its future prospects.

Among the experts there are leading scholars and researchers representing a wide range of opinions and points of view: A.M. Bekarev (Nizhny Novgorod), I.F. Devyatko (Moscow), O.M. Zhuravlyov (Tyumen), O.A. Oberemko (Moscow), D.G. Podvoyskiy (Moscow), V.V. Radaev (Moscow), D.M. Rogozin (Moscow), V.V. Scherbina (Moscow).

Answers of experts are followed by editorial commentary.

Ключевые слова: социология, социологическая теория, научные школы в социологии, прикладная социология, социологическое сообщество.

Keywords: sociology, sociological theory, scientific schools in sociology, applied sociology, sociological community.

Осенью 2017 г. редакцией журнала было решено организовать опрос экспертов о текущем состоянии и перспективах отечественной социологии, аналогичный проведенному ранее экспертному опросу философов. Замысел состоял в том, чтобы собрать своего рода заочный «форум» для обсуждения ряда проблемных точек сегодняшней российской социологии и пригласить высказаться по этим вопросам ведущих отечественных специалистов. Для этого была составлена анкета (авторы — Ю.М. Резник, В.Г. Николаев), текст которой приводится ниже.

Вопросы

Уважаемые коллеги! Предлагаем Вам принять участие в экспертном опросе на указанную выше тему. Похоже, отечественная социология переживает сегодня не лучшее время, как и другие отрасли социально-гуманитарного знания. Недавно мы провели опрос экспертов по философии. Большинство из них признало, что философия у нас в настоящее время не востребована в институциональном плане (сокра-

щаются научно-исследовательские учреждения, должности, издания, преподавание и пр.) и находится в кризисном состоянии.

Вопросы к Вам как экспертам во многом аналогичны тем, которые мы задавали философам. Но в развитии отечественной социологии, вероятно, есть своя специфика. Просим Вас оценить состояние нынешней российской социологии и перспективы её развития.

1. Можете ли Вы назвать пять крупнейших российских социологов (конец XX — начало XXI вв.), внесших существенный вклад в развитие социологической теории, сопоставимый со вкладом классиков зарубежной социологии или, например, таких современных ученых, как З. Бауман, Э. Гидденс, Дж. Урри, Дж. Александер и т.д.? Какие оригинальные концепции, теории, парадигмы, исследовательские программы ими предложены? Если таковых нет, то что, на Ваш взгляд, мешает им появиться? Или времена больших теоретиков ушли навсегда?

2. Как вы оцениваете вклад нынешних отечественных исследователей в развитие теоретической мысли? Что нового они внесли в развитие существующих парадигм или программ? Можно ли сказать, что теоретическая социология как у нас, так и за рубежом находится сегодня в состоянии кризиса?

3. Как Вы оцениваете нынешнее состояние российской прикладной социологии? Известно, что в советское время на предприятиях существовали крупные социологические службы. Что случилось с заводской социологией? Есть ли перспективы её возрождения? Насколько востребованы сегодня разработки в области социальной инженерии или её место заняли другие направления социологической деятельности? Какой Вы видите прикладную роль социологии сегодня и в ближайшей перспективе?

4. Насколько благоприятна или неблагоприятна для развития российской социологии институциональная среда, в которой она существует сегодня? Как Вы оцениваете состояние вузовской социологии? Каковы перспективы социологии как учебной дисциплины в российском высшем образовании? Есть ли будущее у отечественной академической социологии или она будет интегрирована в структуру университетского образования? Имеются ли перспективы развития независимых исследовательских центров вне вузов и РАН?

5. Насколько в нашем социологическом сообществе выражено деление на «центр» и «периферию»? Что отличает «периферийную» социологию? Какова роль «центра», сосредоточенного в таких городах, как Москва, Санкт-Петербург и, возможно, в каких-то еще? Есть ли в российской социологии в этом отношении какая-то специфика по сравнению с другими национальными социологиями и мировой социологией в целом?

6. Известны ли Вам научные школы в российской социологии, понимаемые как устойчивые институты со своими традициями, основателями, научными изданиями, системой подготовки кадров и т.д.? Если да, то на каких основаниях строятся эти школы (общие теоретические программы, общая институциональная база, закрытые системы научной коммуникации или что-то ещё)?

7. В России существует несколько социологических ассоциаций, но преемником ССА является РОС. Как Вы оцениваете его деятельность? Насколько эта ассоциация представляет российскую социологию в целом? Эффективно ли она отстаивает интересы профессионального социологического сообщества? Способствует ли деятельность РОС развитию социологии в стране? Насколько доклады, которые звучат на съездах РОС, отражают реальное состояние и перспективные направления развития отечественной социологии?

8. Как Вы относитесь к нынешней системе научного рейтинга в России (показатели РИНЦ и пр.)? Насколько она позволяет зафиксировать личный вклад того или иного исследователя в развитие социологии как науки? Измерима ли в принципе научно значимая социологическая работа такими инструментами? Насколько целесообразно, на Ваш взгляд, использование для оценки научного вклада российских социологов рейтингов в международных базах (WoS, Scopus и др.)?

9. Если Вы оцениваете текущее состояние российской социологии как кризисное, то каковы, на Ваш взгляд, его основные причины? Это могут быть внешние факторы (например, курс государства на сворачивание и коммерциализацию научного пространства страны, отсутствие развитых институтов гражданского общества, нуждающихся в социологических исследованиях и могущих оказать им необходимую поддержку, текущее состояние российской экономики и т.п.)? Или внутренние для науки факторы (размывание предметных границ социологии и критериев её научности, принципиальное отставание российской социологии от западной, её идейно-теоретическая зависимость, неразвитость инфраструктуры, депрофессионализация социологических кадров и т.п.)? Или что-то другое? Назовите, пожалуйста.

10. В заключение предлагаем Вам ответить еще на один вопрос. В чём Вы видите будущее российской социологии? Сможет ли она состояться как самостоятельное теоретическое направление и заявить о себе в мировом масштабе?

Анкета была разослана 17 российским социологам, представляющим разные точки зрения, направления исследований, поколения, институции (вузы, РАН, исследовательские центры), города (Москва, Санкт-Петербург и др.). Были получены ответы от 8 экспертов. Они полностью приведены ниже.

Мнения и оценки:

А.М. Бекарев:

1. Для начала бы я назвал несколько имен конца XIX – начала XX века. Это – Н. Кареев, Н. Михайловский, П. Сорокин, Г. Гурвич. К ним бы добавил социальных мыслителей и историков – М. Бакунина, А. Герцена, П. Кропоткина и еще с десяток других. Весьма одаренных и вполне сопоставимых с фигурой З. Баумана. Возможно, многих из них состояние «изгоев» сделало выдающимися социологами. Хотя большая часть «изгоев» оказались «пылью на ветру». Но талант русских социологов первой половины XX века не подлежит никакому сомнению.

Впрочем, и позже, в рамках марксистской парадигмы, были очень «видные» социологи (они же представители исторического материализма), как: Л. Коган, З. Файнбург, Н. Аитов, Г. Осипов, М. Руткевич. Тяжесть «марксистской одежды» для них состояла в том, что надо было факты подгонять под иллюзорные общеисторические законы. В этом отношении западным социологам, которые мечтали о теории среднего уровня, было легче собирать информацию. Хотя они повторяли «путь муравья», но избегали «пути паука».

Что касается последних трех десятилетий, то сопоставимых фигур как будто бы нет. Упомяну лишь имя В.А. Ядова. Возможно, непровозглашенная идеология чистогана произвела свое действие, и «Родине нашей», как и раньше, оказались не нужны умные и талантливые люди.

2. Почему-то П. Бергер и Т. Лукман оказались главными конструктивистами. Я думаю, что самыми решительными конструктивистами оказались не только отече-

ственные математики, но и социологи. Как и Н. Михайловский, многие нынешние социологи продолжают традицию исследований с позиций определенного общественного идеала. Как-то у нас принцип нейтральности не очень прижился. Новых парадигм не придумали. Но вместе с тем хотелось бы сказать, что именно в отечественной социологии получили развитие идеи социального пространства и социологические концепции личности.

В последние десятилетия имелись достижения и в области социологии организаций. И все же, как говорил П. Новгородцев, мы оказались «западниками», т.е. может и не совсем жалкими, но «подражателями». Полагаю, что идеологический вакуум и продолжительный системный кризис определили траекторию упадка. С другой стороны, не стоит прекращать попытки построить общую социальную теорию — в этом направлении могут быть прорывы. А те теории, которые обращают внимание на новые катастрофы, посткаarbonную эпоху, едва ли, кроме плохого настроения, принесут ощутимые плоды.

3. Прикладная социология в нашей стране по масштабности значительно уступает западной. Если один Г. Хофштеде распространил в IBM 116 тысяч анкет, то наши анкетные опросы куда как скромнее. Между тем инструменты замеров готовятся, и возникают относительно новые методы сбора информации. И все же следует отметить огромное количество нерепрезентативных эмпирических замеров, где даже в солидных докторских исследованиях число N не превышает несколько сотен человек.

Что касается заводской социологии, то почти вся она — в ретроспективе. Я знаю некоторых заводских социологов (прошлого), например, В.В. Щербину или Ж.Т. Тощенко. И сам участвовал по заказам заводов в нескольких исследованиях под руководством В.Г. Мордковича. Удивительно, что в условиях планового хозяйства прикладная социология была востребована. Сейчас она была бы более уместной, но не находит поддержки. Маркетинговые исследования вызывают только жалость, а несовершенные потуги современных управленцев что-то исследовать обладают поразительной неэффективностью.

Проще говоря, современное состояние прикладной социологии таково, что лучше бы его не было, поскольку многочисленные исследования пользы не приносят, а вред очевиден. Мир рыночной экономики стал тесен для многих профессий. Люди с двойными дипломами — это «лишние» люди для экономики с доминированием полуквалифицированного труда.

4. Институциональная среда неблагоприятная. Государство и экономические организации обходятся без помощи социологов. Вузовская социология если и развивается, то в монастырской среде (опрашиваются студенты и преподаватели, они доступны, остальные респонденты на контакт идут с трудом). Нет радужных перспектив у направления подготовки «Социология»: бакалавры, магистры и кандидаты наук не относятся к «серебряным воротничкам», скорее это — будущие безработные или занятые не по специальности. Думаю, что последний подвопрос относительно академической социологии или исследовательских центров тоже можно отнести к разряду риторических. Современная экономика уже ответила на них.

5. В центре денег больше, чем на периферии. Отсюда более предпочтительные возможности центра. Раньше и периферия была мощной (Екатеринбург, Новосибирск). Было время, даже говорили о школах — уральской, сибирской и т.п. Сейчас

школы скорее выродились. Аудитории, в которых готовятся социологи, больше похожи на залы, где совершаются панихиды. Впрочем, о школах — это следующий вопрос.

6. Я работаю на кафедре общей социологии и социальной работы Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Несколько лет тому назад говорили, что здесь есть школа. Сейчас не говорят. Думаю, что здесь та же статистика, что и в отношении деловых организаций, которые в среднем живут 40 лет. Пока жив лидер, пассионарий, харизма, жива и школа. Но мне посчастливилось — я учился в славной уральской школе под руководством Л. Когана. Мы знаем о работах и личных качествах представителей этой школы — Ю. Вишневском, В. Шапко, Г. Зборовском, А. Меренкове, Н. Костиной. И мы ценим узы, что связывают нас.

7. В двух словах: если М. Грановеттер говорил о силе слабых связей, мы говорим об их слабости. Сейчас УМО по социологии и социальной работе — более влиятельная сила, чем наши многочисленные союзы.

8. К рейтингам отношусь плохо, об этом уже говорил, когда речь шла о философии. Думаю, что настоящая наука, как Гармония, должна быть скрытой (то есть достаточно тайной).

9. Нужно формировать узы. Нужна новая идеология, или новое дыхание старой идеологии, нужны идеалы. Тогда будут и нормы.

10. Думаю, надо продолжать линию Ю.М. Резника и продолжать изыскания в более общем поле социальной теории. Надо искать теоретические основы социальности, тогда и для социологии будет работа.

И.Ф. Девятко:

1. Ответ на этот вопрос требует некоторых уточнений. Сама формулировка вопроса, на мой взгляд, искусственно изолирует ученого и его теоретический «вклад» от оценивающей и легитимирующей производимое им знание аудитории и, шире, академической инфраструктуры. Я думаю, что отечественным теоретикам не хватает не столько интересных идей и опубликованных работ, сколько специализированной аудитории, заинтересованной в критической рецепции и оценке теоретических результатов.

Перечисленные зарубежные теоретики преимущественно представляют два типа социологического теоретизирования, который упомянутый в вопросе Александер когда-то удобно определил как «исследования исходных предположений» (например, исследования метатеоретических проблем социального действия или структуры, анализ нормативных оснований для моральных оценок социальной жизни, т.е. критериев «хорошего общества» и т.д.) и «герменевтическую теорию» (опосредованное истолкование фундаментальных вопросов через интерпретацию смыслов и общего замысла классических социологических текстов в конкретных контекстах, скажем, интерпретацию текстов М. Вебера применительно к анализу современных российских трансформаций).

Можно без особого труда составить список коллег, которые внесли существенный вклад в развитие этих двух типов теории. Если ограничиться заведомо неполным перечнем, можно упомянуть, в частности, Ю.Н. Давыдова, В.А. Ядова, Ю.А. Леваду, А.Б. Гофмана, Л.Г. Ионина, как и представляющих следующее поколение А.Ф. Филиппова, В.В. Волкова, О.В. Хархордина и др. Однако совокупный «интеллектуальный эффект», производимый лучшими теоретическими работами этих авторов, в зна-

чительной мере зависит от профессиональной аудитории, которая, в силу известных обстоятельств, четверть века назад была крайне невелика и слабо институционализована, а сейчас, хотя и увеличилась за счёт всё более эффективной системы профессионального социологического образования, но по ряду причин стала в большей мере ориентированной на прикладное социальное знание и глобализированную, преимущественно англоязычную систему публикаций и академических репутаций.

Не хочу здесь вдаваться в описание истоков такой ситуации, но объективно она привела к тому, что даже молодые исследователи, имеющие достаточно широкий кругозор и интерес к социологической теории, чаще читают и цитируют зарубежные работы, иногда, кстати, весьма вторичные и не отличающиеся теоретической глубиной, тогда как широкая (полупрофессиональная или непрофессиональная) отечественная аудитория, т.е. «интеллигентная публика», включающая студентов, которые изучают другие социальные и гуманитарные науки, в свою очередь, обращается за соответствующим экспертным дискурсом к ориентированным на *edutainment* медиа или к децентрализованным платформам (блогам, научно-просветительским сайтам, группам в социальных сетях и т.д.).

Однако источником легитимации «когнитивной власти» для последнего типа экспертного дискурса является не профессиональная аудитория ученых-социологов, а то, что С. Тёрнер когда-то (см. прим. 1) определил как легитимацию через «самосоздаваемую» аудиторию ориентированных на практическую пользу потребителей или же сектантскую аудиторию неопитов-последователей такого типа экспертов. Чтобы подчеркнуть роль локальной профессиональной аудитории и академической инфраструктуры в оценке и легитимации социологического знания, в т.ч. теоретического, я даже рискну воспользоваться изначально рискованной и заведомо карикатурной метафорой, позаимствованной из недавней (2014) работы того же С. Тёрнера.

В обсуждении сложного вопроса о различиях в институциональной инфраструктуре, локализации и распределении разных типов знания и отличных от научных типов экспертизы он обращается к яркому рассуждению персонажа романа Г. Вука «Бунт на “Кейне”» (1951): «Флот — это генеральный план, составленный гениями, который должны выполнять идиоты. Если ты не идиот, но оказался на флоте, ты сможешь успешно функционировать, лишь притворяясь таковым» (см. прим. 2).

2. Социологическая теория переживает глубокий кризис не только в России, но и за рубежом. Некоторые из причин такого положения дел связаны с ситуацией в социологии как дисциплине (например, с размыванием дисциплинарных границ, как в силу «трансфера» социологической методологии в другие науки о поведении и утраты безусловного лидерства в области методологических инноваций, так и в силу смещения центра тяжести социологического дискурса в сторону культурологических и филологических штудий, превращающего социологию в «еще одну» гуманитарную дисциплину), однако существенным фактором остается и ослабление влияния теории даже на профессиональную социологическую аудиторию.

Последнее обстоятельство требует более детального обсуждения, но немаловажную роль в возникновении этой ситуации сыграла последовательность внутренних больших и малых «культурных революций» в социальных науках, например, полемика вокруг постмодернизма и тезиса о «конце социологической теории», завершившаяся вместе с модой на постмодернизм, но имевшая разрушительные последствия для сообщества теоретиков, или приведшая к ряду контрпродуктивных эффектов

феминистская критика гендерной слепоты социологической теории (и другие формы борьбы за идентичность в американской социологии).

Неоднозначными были и интеллектуальные и организационные последствия тотального краха марксистской теории в отечественных социальных науках, не только унесшего с собой и некоторые вполне жизнеспособные теоретические конструкции (я не говорю о нынешних попытках реэкспорта неомарксизма), но и резко увеличившего долю новообращенных социологов, склонных считать политическую и хозяйственную практику высшим критерием научной истины.

Немаловажно также то обстоятельство, что международное сообщество социологов-теоретиков переживает сейчас и концептуальный, идейный кризис: содержательные социологические теории теперь крайне редко прорабатываются до стадии формализации, а теоретизирование в статьях, публикуемых в релевантных журналах, часто сводится к инкрустированным «направляющими метафорами» или даже элементами собственного аналитического языка насыщенным описаниям кейсов, интересных с той или иной точки зрения, тогда как на симпозиумах по социологической теории звучат явные призывы пожертвовать теоретической новизной в пользу эмпирических описаний (см. прим. 3).

В целом, интерес как к опросной, так и к «качественной» социологии объективно снижается, необходимо обновление теоретических подходов, включающее в себя междисциплинарный синтез, а также расширение диапазона методов эмпирического исследования и типов используемых данных (в частности, за счёт более активного использования экспериментальных и квазиэкспериментальных исследовательских планов, как и больших массивов «нерактивных» административных, текстовых и поведенческих данных, иногда называемых также «органическими»).

3. Я едва ли могу выступать экспертом в области истории заводской социологии, но мне кажется, что в рамках логики снижения издержек и повышения эффективности управления современные предприятия предпочитают пользоваться услугами внешних подрядчиков — социологических агентств, бизнес-консультантов, специалистов по кадровому аудиту, которые выполняют сходные с заводской социологией задачи.

Вероятно, сам круг задач также трансформировался, например, логика капиталистического управления не предполагает автономного интереса, например, к социально-психологическому климату или сплоченности трудового коллектива, если последние не рассматриваются как существенные факторы экономической эффективности производства. Этого в большинстве случаев и не происходит, в частности, потому что профсоюзы как форма организованного представительства интересов наемных работников в вечной тяжбе с «капиталом», которые могли бы защитить права работников на морально-комфортные условия труда, на практике почти исчезли или переродились — впрочем, это отдельная большая тема, и я давно ожидаю, что кто-то из коллег, ее давно исследующих (например, Л.Е. Петрова), предложит теоретическую модель, обобщенно описывающую эти процессы недавней российской истории.

Я оптимистически смотрю на ближайшее будущее прикладной социологии при условии её активного взаимодействия с академической, в частности, не только быстрой апроприации (в хорошем смысле) упомянутых выше новых методических подходов и типов данных, но и овладения новым теоретическим языком, использования объяснительных ресурсов социологической теории, которая может обеспечить интеллектуальное доминирование социологов даже в таких областях (например, ана-

лиз так называемых «больших данных»), где лидирующую роль пока играют специалисты в области компьютерных наук, исследователи медиа и т.д.

4. Трудно давать долговременные прогнозы в нынешней крайне нестабильной ситуации, но я надеюсь, что даже при нынешних, скорее неблагоприятных для интеллектуальной автономии социологической профессии обстоятельствах менеджериалистской революции в университетском образовании и науке существует и горизонт возможностей. Меняется само образование, социология смогла не только институционализироваться в качестве университетской дисциплины, но и накопить изрядный «человеческий капитал», увеличились возможности применения профессиональных компетенций выпускников-социологов. Думаю, через некоторое время мы увидим и новую организационную инфраструктуру для социологического образования, и, надеюсь, новые формы исследовательской деятельности.

5. Роль «центра» в российской науке традиционно связана с тем очевидным обстоятельством, что в столицах расположены лучшие и старейшие российские университеты (достаточно упомянуть МГУ им. М.В. Ломоносова), как и большинство ведущих исследовательских центров Академии наук. Формирование новых образовательных институций, расположенных в Москве и Санкт-Петербурге, продемонстрировавших впечатляющие достижения в области социальных наук, математики и т.п., также было связано с наличием в столицах этих источников преподавательских и исследовательских кадров.

Однако совершенно очевидно, что изменение структуры научных коммуникаций, увеличение доступа к публикационным возможностям, трансграничным коммуникациям и другие эффекты «цифровой революции» создали условия для быстрого роста региональных научных центров, в том числе социологических. Последние я никак не склонна рассматривать как «периферию» в интеллектуальном или иных смыслах. Например, многие яркие коллеги начинали свои профессиональные карьеры в университетах Новосибирска, Екатеринбурга, Самары, Саратова и т.д., и вполне успешно продолжают их не только в Москве или Санкт-Петербурге, но и в стенах собственных *alma mater*.

6. Вопрос о существовании научных школ в социологии вообще спорен, но если не проводить различий между разными основаниями (интеллектуальными, организационными и т.п.), то такие школы есть, конечно. Например, сохраняются, как минимум в двух-трёх поколениях, научные школы, созданные В.А. Ядовым, Ю.А. Левадой. Существуют и научные «племенные союзы»/кликеры, иногда даже фундирующие свое единство программами и манифестами, однако прогнозировать их судьбу трудно. В любом случае, возможности таких прото-школ сильно зависят от того, насколько их вожди окажутся способны продемонстрировать интеллектуальное (и моральное, кстати) лидерство, образно говоря, за пределами Фейсбука и описанных выше «широких аудиторий».

7. В сложившихся в последние 25 лет финансово-организационных и институциональных обстоятельствах роль РОС, несмотря на регулярно высказываемые (и, возможно, в чем-то справедливые) претензии, оказалась уникально важной. Несмотря на необходимость участвовать в сложной констелляции явных и скрытых конфликтов и коалиций, в том числе со множеством новых профессиональных союзов, претендующих на представительство на национальном и международном уровне, РОС смогла сохранить уникальную по широте охвата площадку профессиональных ком-

муникаций, где встречаются самые разные — и блистательные, и эзотерические, мягко говоря, социологические сообщества и группы. Собственно, именно этим объясняется, видимо, шокирующий многих разброс в уровне звучащих на конгрессах и съездах докладов.

8. Я скорее отрицательно оцениваю роль РИНЦ не только в силу его бизнес-ориентированности на работу с «крупными клиентами»-институциями и стремления продать бюрократам в науке и образовании удобный инструмент для формальной оценки научной эффективности, что порождает известные социологам негативные эффекты «исполнения, ориентированного на критерий», но и в силу его, так сказать, нечистого происхождения.

Конечно, корпорация Thomson Reuters, например, также превратила гарфилдовский Science Citation Index (основа Web of Science) в коммерческий продукт для бюрократов, иногда (далеко не везде) оценивающих таким способом научную результативность, однако это не изменило исходной основы и главной ценности названного информационного продукта — чрезвычайно эффективного для целей поиска релевантной научной информации и обслуживающего реальные нужды исследователей библиографического указателя (базы) цитирований журнальных статей, охватывающего значительный промежуток времени и тысячи научных журналов, преимущественно англоязычных.

В основу РИНЦ не был положен какой-то из существующих или вновь созданных полноценных библиографических указателей (например, издававшаяся ранее Книжной палатой «Летопись журнальных статей», правда, включавшая лишь роспись содержания, без пристатейных библиографий); цель создания полноценного библиографического ресурса, насколько я могу судить, вообще не ставилась, соответственно, ученые и воспринимают ее как сомнительной надежности «бюрократическую дубинку», а не как полезный для исследователя информационный продукт (см. прим. 4).

Корректное использование для оценки научного вклада российских социологов рейтингов журналов, издаваемых ежегодно международными библиографическими базами (WoS, Scopus), предполагает корректное и несмещенное индексирование русскоязычных или двуязычных научных журналов и монографий в этих базах, которого сейчас нет. Ситуация, когда довольно легко вошедшие в эти базы в силу контингентно сложившихся в позднесоветскую эпоху обстоятельств (времена советской «большой науки» и существования мало походившего в то время на «капиталистического хищника» Института научной информации (ISI)) авторитетные «старые» журналы либо вновь попавшие в последние пару лет в «ядро» в силу наличия определенных финансово-организационных и административных ресурсов новые журналы (в большинстве своем, замечу, приличные или очень хорошие), фактически получают некоторое избирательное преимущество, прямо не связанное со сравнительным качеством публикуемых в конкретном журнале статей, подозрительно напоминает «академический капитализм».

Кроме того, в силу того, что описанные библиографические продукты изначально не были созданы для работы по умолчанию с научными журналами других, не англоязычных, но вполне крупных «научных метрополий», возникла языковая асимметрия, ведущая к возникновению «квази-колониальной» иерархии языков академической коммуникации. Существуют, например, технические сложности, связанные с

необходимостью транслитерации текстов, изначально написанных не на латинице, и приводящие к дополнительным издержкам доступа, которые оказываются слишком велики для некоммерциализированных отечественных научных журналов, существуют и дополнительные издержки для потенциальных авторов, для которых английский не является родным языком (в гуманитарных и социальных науках такие издержки могут быть довольно велики).

В результате возникает ситуация, когда существенным признаком качества научной статьи оказывается сам факт ее публикации на английском языке и в зарубежном журнале, что едва ли приемлемо этически или с точки зрения здравого смысла (это не отменяет того факта, что ведущие англоязычные журналы создали весьма эффективную, хотя и имеющую не только положительные эффекты, систему рецензирования научных статей, которая пока в среднем превосходит таковую в большинстве отечественных социологических журналов).

Однако я и здесь вижу основания для оптимизма: уверена, что стремительный прогресс алгоритмов машинного перевода, справляющихся уже и с несложными научными текстами, в ближайшие 5-7 лет создаст условия для размывания этой языковой иерархии, имеющей не только политические, но и интеллектуальные импликации. Изменится, мне кажется, хотя и в не столь близком будущем, и сама сложившаяся в последние 35-40 лет система издаваемых/приобретаемых небольшим числом сверхкрупных коммерческих издательств научных журналов (силы, которые могут к этому привести, сейчас уже вполне проявились).

Примечания

1. Turner S. *What is the Problem with Experts?* // *Social Studies of Science*. – 2001. – Vol. 31. – No. 1. – P. 123-149.
2. Цит. no: Turner S.P. *The Politics of Expertise*. – N.Y.: Routledge, 2014. – P. 6
3. Besbris M., Khan S. *Less Theory. More Description* // *Sociological Theory*. – 2017. – Vol. 35. – No. 2. – P. 147-153.
4. См., например: Жукова И.А. *Индекс научного цитирования – трансформация практик применения: от инструмента библиографического поиска к инструменту оценивания* // *Социология*: 4М. – 2012. – № 34. – С. 54-80.

О.М. Журавлев:

1. На мой взгляд, есть несколько причин, по которым в российской социологии нет теоретических прорывов.

Во-первых, есть глобальное разделение труда, в рамках которого Россия является поставщиком эмпирических данных для западных теоретиков. Чтобы преодолеть это «сырьевое проклятие», российские ученые должны включаться в большие международные, главным образом сравнительные, исследования в качестве полноправных участников.

Во-вторых, проблема российской социологии – это разрыв между теоретическими и эмпирическими исследованиями. Советская физика – хороший пример сотрудничества теоретиков и экспериментаторов. Такие ученые, как П.Л. Капица, понимая, что первые и вторые живут в своих мирах, стремился эти миры объединять. Он настаивал на совместной деятельности теоретиков, экспериментаторов, инженеров, и его усилия приводили к серьезным результатам. Думаю, нам, социологам, сегодня нужно преодолеть разрыв между теорией и эмпирикой – наши теоретики склонны использовать эмпирические данные для иллюстративного подтверждения теоретических положений, а эмпирики, даже лучшие, не всегда готовы к долгосрочной теорети-

ческой работе с понятиями, объяснительными моделями и т.д. От этого страдают и теория, и эмпирические исследования. Необходимы серьезные и длительные исследовательские коллективные проекты, в которых это сотрудничество станет нормой.

В-третьих, я думаю, что для создания серьезных социологических разработок нужна серьезная же мотивация. Последняя не должна сводиться к только лишь удовольствию от созерцания теоретической красоты, самолюбованию на фоне «менее продвинутых» в «западной теории» коллег или зарабатыванию денег на эмпирических проектах. Необходимо стремиться понять, объяснить, решить с помощью науки какие-то важные проблемы, имеющие общественно-политическое измерение, то есть так или иначе соотносящиеся с коллективными или, если угодно, общими интересами, ценностями и т.д.

2. Наша теоретическая социология не то чтобы еще вчера была на высоте, чтобы говорить о сегодняшнем кризисе. Как правило, наши социологи работают с западными теориями, пытаясь что-то в них добавлять — насколько эти добавки стимулируют развитие теории в целом, пока сказать трудно.

3. Я думаю, что прикладная социология должна быть полноправной частью социологии как науки. Социологи должны заниматься решением «наущных» проблем, короче говоря, экспертизой, но при этом «держат в уме» и более фундаментальные, научные вопросы. Институт проблем правоприменения Европейского университета — прекрасный пример научного центра, который занимается и прикладной, и академической социологией. Заводская социология сегодня присутствует в исследованиях Дмитрия Rogozina, Ольги Пинчук, Елизаветы Полухиной и других. Думаю, что исследования труда, далеко не только заводского, сегодня нужны и актуальны.

4. Институциональная среда не очень-то благоприятна для развития социологии. Социологические факультеты университетов и институты РАН не радуют научными результатами. Бюрократическая инерция, погоня университетских начальников за связями и деньгами вместо нацеленности на научный результат, слабая самоорганизация ученых — вот лишь немногие и очевидные причины неэффективности институтов.

В то же время идет атака государственных органов на инновационные центры, такие как Европейский университет, ЦНСИ и т.д. Еще есть места, в которых научное развитие является целью, при этом есть государственный патронаж: «Вышка», Школа перспективных исследований, в которой работаю я, РАНХиГС. Меня очень интересует судьба независимых центров. Сегодня им тяжело из-за отсутствия финансирования и политических преследований. Я считаю, что независимым центрам, группам, лабораториям нужно сообща думать о том, как существовать в этих условиях. Возможно, нужен какой-то фонд, который не только поможет этим центрам выжить, но и поможет сформулировать повестку: зачем и кому нужны независимые научные центры? Что они могут дать науке и обществу? Ведь за проблемами институциональной среды стоят и более общие проблемы — кому в России, кроме самих социологов, сегодня нужна качественная социология? Нужна ли она государству и общественным группам, движениям и т.д.?

5. Центр вытягивает ресурсы, в т.ч. интеллектуальные, из регионов. В этом отношении наша Школа перспективных исследований в рамках Тюменского университета, а также «партнерские центры», состоящие из выпускников Европейского университета, которые недавно открылись в Перми, Томске, других городах — обнадеживающая контртенденция.

6. Научных школ я не вижу. Есть группы, в т.ч. институционализированные, которые отличает не столько собственная теория или метод, сколько общий стиль работы с данными, теориями и методами. Центр Res Publica в Европейском, Центр фундаментальной социологии в Вышке и некоторые другие. В каком-то смысле научной школой можно считать ЦНСИ, сотрудники которого не только создали свой стиль, но и работали в русле социального конструктивизма, изучая этничность, городские экономики и другие проблемы.

7. Я вообще не понимаю, чем занимается РОС, если не считать организацию конгрессов. Никакой серьезной научной работы, кажется, в РОС не ведется. Общественной работы я там тоже не вижу. Для меня РОС не представляет российскую социологию.

10. Думаю, что будущее связано с организацией масштабных коллективных исследований, в которых принимали бы участие теоретики и эмпирики, российские и зарубежные социологи, «количественники» и «качественники». Эти исследования должны быть не только академически интересными, но и общественно значимыми — для этого необходима рефлексия и действия, направленные на диалог между социологией и социальными группами.

О.А. Оберемко:

1. Если конец XX в. — это 1990-е гг., то назвать крупнейших не могу. Не потому, что нет достойных специалистов. Не то, чтобы времена больших теорий и теоретиков ушли навсегда. Наивна в вопросе и персоналистическая формулировка «большие теоретики» (как будто бы социология переживает «время первых»), наивен и эсхатологизм «навсегда». Отражает в определенном смысле наивность вопрошающих даже подборка имен «больших теоретиков», «классиков зарубежной социологии», «внесших существенный вклад в развитие социологической теории». И почему именно эти имена составили «четверицу» выдающихся? Все упомянутые благородные мужи действительно внесли существенный вклад, но в то же время в разной степени ко всем этим выдающимся авторам из четверицы применимы определения «компилятор», «популяризатор», «реинтерпретатор», «апдейтер» и «апгрейдер».

Можно ли кого-нибудь из них назвать оригинальным теоретиком социологии? Наверно, многое зависит от начитанности. Но в персоналистском ключе каждый из них — вполне оригинальный мыслитель: каждый перерабатывал (и перерабатывает) сырье и получал (получает, выдает) оригинальный продукт, только эта оригинальность больше персонального свойства.

Вклад сопоставимый как удостоверить? Сопоставлять легко по публикациям и цитированию. Ответ очевиден — не надо и вопрос задавать. Вклад российских социологов в теоретическую социологию видится, прежде всего, вкладом в самоактуализацию и сохранение локальных, персональных образцов производителя теории; он имеет мало отношения и к предприятию (по М. Веберу), и еще менее к предприятию глобально-рыночному. Но не думаю, что за это отвечают только сами социологи, развивающие личные проекты. Технически российские теоретики не могут быть хуже или лучше остальных.

В современной России, кажется, сейчас и с космосом не здорово, и с гражданским самолетостроением. Авторитарно-единичный продукт можно склепать, если за ценой не постоять, а на рыночных условиях координации взаимодействий — не по-

лучается. Потому что рыночное обобществление возможно в более сложном, дифференцированном обществе, чем авторитарно-координированное.

Социологическая теория как предприятие возможно, на мой взгляд, только в более сложном, более дифференцированном обществе, где осваиваются более тонкие механизмы координации взаимодействий; в обществе с упрощенной организацией негде летать ни гражданским самолетам, ни теоретикам социологии — нет воздуха. Для социологической теории воздух, на который можно опереться, — жизненно заинтересованная во взгляде на общество публика и некий рой теоретиков-конкурентов.

Заинтересованная публика рекрутируется из передовых (с перспективой на будущее и уверенностью в своей перспективе) слоев/классов, говоря старорежимным языком; вместо старорежимных классов-слоев можно употребить и «габитус», и «практики», и «идентичности», и «фреймы» — для обозначения *social forces*. Талантливые к теории и готовые инвестировать в себя как в теоретиков находят себе (под себя) вдохновляющие на теоретическое предприятие *social forces* (самоинтерпретация в риторике «индивидуализма») или ставят свой талант на службу «правильным» *social forces* (самоинтерпретация в риторике «коллективизма»). Признаю, что сделанная в полутора десятках строк попытка описать *sine qua non* оригинальной социологической теории дала чересчур вульгарно-упрощенную картину.

Воздухоплавательное производство, чтобы стать общественно заметным явлением, требует объемного спроса; производство заметной социологической теории — тоже, только природа объема и самого спроса иная (тут некогда пояснять). Но необходимые условия для (для простоты скажу) *рыночного* спроса большого объема на интеллектуально сложные продукты (избыточные для рассредоточенного ради удобства примитивно управляющих элит населения) — принципиально одинаковы; условия составляет сложная координация социальных взаимодействий между участниками, которым доступны возможности и способности осуществлять саморегуляцию своего социального поведения.

Если в богатом ресурсами (природными, пространственными, людскими) обществе *сейчас* нет коммерческого самолетостроения, равно как и заметного производства социологической теории, — безошибочно можно утверждать: это общество слишком примитивно организовано. Индивидуально способные и оснащенные умники всегда найдутся, чтобы в случае неожиданного и тут же не придушенного усложнения общества соответствовать возникшей общественной необходимости (спросу).

По факту, сейчас в российском обществе можно заметить готовность решать какие-то иные задачи, помимо развития социологической теории (а также гражданского самолетостроения, электроники, фармации... заканчивая стаканчиками и крышечками для «кофе с собой»). Современное российское общество демонстрирует трудности в организации более простых производств, чем производство социологической теории.

Подытоживая, для развития социологической теории в России адекватной общественной повестки (и почвы для нее) не видно; чтобы вырасти на глобальной общественной повестке, теоретику надо бы войти в глобальный контекст, одновременно не утратив заметности на российском ландшафте. Физически, фактически россияне с теоретическим потенциалом в глобальном контексте присутствуют. Видимо, не находится способов, как, пребывая в глобальной теоретико-социологической повестке, без значимых потерь получить заметность на Родине, где общественная среда,

публика в своем общественном проявлении открыта и допущена к решению задач принципиально иного характера и уровня, нежели самоорганизация.

2. Трудно адекватно оценить «вклад в развитие», когда сам пребываешь в контексте общества, которое этот вклад замечать не настроено. Тем, кто работает, надо продолжать работать. Тем, кто только раздумывает, надо решиться — инвестировать и работать.

Чтобы вклад был заметнее, считаю абсолютно необходимым развитие жанров рецензий и тематических научных обзоров. Даже ИНИОН до несчастья плохо справлялся с этой задачей: больше занимались реферированием и переводом для рецепции импорта, чем систематизацией и распространением отечественного продукта.

3. У прикладной социологии пространство деятельности ограничено рыночно координированными обменов. Не похоже, чтобы это пространство прибавлялось в объеме. Скорее наоборот — объем сокращается, и количество фирм убывает. Все игроки на рынках политики и потребления вынуждены (1) сокращать издержки и (2) повышать качество продукта — общая тенденция, которая имеет и массу отклонений. Кто ориентирован только на первую задачу, отомрут, если вдруг не случится фантастически невзыскательный и стабильный источник поддержки. Кто ориентирован на обе задачи сразу, обязательно подтянутся по качеству к глобальному уровню.

Содержащееся в вопросе отождествление прикладной социологии с заводской критики никакой не выдерживает, ее расширение до социальной инженерии — тем более.

Возрождать ничего не надо: есть эйч-ары; в функции некоторых из них входит та самая «заводская социология», но не только.

Ответ на вопрос о массовом возрождении корпоративной социологии надо искать в характере практикуемых философий менеджмента: какую они модель работника и рабочих взаимодействий находят приемлемой, эффективной. Тут не окончательный ответ, но с этого вопроса надо начать.

4. Сразу много вопросов в одном: от методиста составителям анкеты двойка, даже кол с минусом! Институциональная среда российской социологии, по моему мнению, сильно зависит от общественной среды. Ни среди квазигрупп, ни среди организованных хунт генерального заказчика не видно: специально не охотятся, и за то спасибо.

Состояние вузовской социологии — крайне неоднородное. Очень хорошо вижу эту неоднородность, когда на рецензию получаю статьи, особенно написанные по грантам в конце года. Однако для выравнивания нужно еще больше расширять доступ к финансированию исследований; одновременно поддержать независимость научной экспертизы — другого пути просто нет; конечно, сказать всегда проще, чем сделать.

Социология — относительно дорогое удовольствие (конечно, дешевле естественных наук, но все равно дорогое). И в системе РАН, и в системе вуза, и в независимом модусе.

Государственная мобилизация может обеспечить защиту от внешних вторжений за счет упрощения общественного целого. Однако для социологии в любом виде мобилизация оставляет мало пространства из-за упрощения структуры акторов и способов координации взаимодействия между ними. Социология — не враг суверенитета общества, примитивизация общества — враг социологии.

5. Нет никакой национальной (страновой) специфики. Чикагская школа и прочие «периферийные школы», и не только в социологии, тому тьма примеров. Два варианта выравнивания центр-периферийного неравенства. (1) *Empowered* и финансово состоятельный местный заказчик, чье состояние и empowerment укоренены в этой местности, который рассматривает эту местность как вместилище своего общества, а не как колонию, непременно поспособствует (даже невольно) (само)организации чего-то подобного социологическому проекту. (2) Центр, который периферию операционально не рассматривает как свою колонию, легко может финансировать развитие (не периферийных, а) региональных научных центров. Но никакой центр в одиночку не справится с такой задачей без (пусть даже под присмотром) выросших местных бонз.

6. Могу не обо всех школах знать, но, кажется, такие школы есть... точнее, такие школы стали возникать и развиваться. Но очень похоже, что они могут пасть, если уже не пали, жертвами централизованных мер по упрощению способов координации общественных взаимодействий. Через прямое воспрепятствование деятельности и через недружественное (для исходного «духа» школы) поглощение. Имею в виду и образовательные, и исследовательские институции. В этом вижу самую большую беду, не меньше, для российской, отечественной социологии. В тонких вопросах «перебдеть» — все равно что за чистоту отрезанием бороться. Социологического образования головам, принимающим высокие решения, иногда беда как не хватает.

7. Мое мнение, в статистическом смысле съезды РОС лучше, чем какие-то иные, отражают, репрезентируют «российскую социологию в целом». Другие крупные форумы отражают «российскую социологию» не «в целом», а со смещениями — в предметном, идеологическом, и, конечно же, качественном аспектах; под качеством понимаю ориентации на разные эталоны качества социологического продукта.

8. Эта система не идеальна, но принципиально понятна. Она содержит эксплицитные требования, на которые при желании можно вполне осознанно ориентировать свою деятельность, планировать ее с разумным горизонтом. И многие коллеги научились это делать.

Ясность, четкость критериев имеет обратную сторону: кто-то не находит в них места для своей по-настоящему интенсивной и плодотворной научной деятельности; кто-то научается использовать ясные критерии издевательски и формально; кто-то даже на ней зарабатывает — имею в виду платные, по факту не редактируемые и не рецензируемые журналы; масса претензий может быть к руководству, которое под себя может выстраивать структуру и веса разных показателей, а также чрезмерно завышать планку — в результате такого завышения может оказаться: чтобы годовые требования к публикационной активности были выполнены, только российскими авторами нужно наполнить все рейтинговые журналы мира в течение полутора лет. Представляется, что это все вопросы настройки, отладки системы. Потому что всякие иные и непрозрачные системы должны будут обратиться либо уравниловкой, либо произволом и тиранией администраторов.

9. Это хороший вопрос на диссертацию — коротко не справлюсь.

10. Коллеги, дорогие! Не могу себе вообразить концепт «российская социология» как «самостоятельное теоретическое направление»

А «в мировом масштабе» напоминает по уровню неакадемический разговор Петьки с Василием Ивановичем:

— А в мировом масштабе?

— Языков не знаю, — отвечал Василий Иванович.

Несмотря на мои методические брюзжания, спасибо Вам, коллеги, за вопросы. Пыль с ушей стряхнуть немного они все-таки заставили.

Д.Г. Подвойский:

1. В первой части вопроса ключевое слово — «сопоставимый» (вклад), и именно поэтому ответ следовало бы дать отрицательный. В России существуют специалисты и знатоки теоретических проблем социологии, но в большинстве случаев они не выступают с масштабными авторскими концептуальными проектами. А те, кто выступает (часто не из их числа), производит интеллектуальный продукт не слишком высокого качества. Не всякая теория с большими амбициями — действительно Большая теория. Конечно, претензии на построение релевантных теоретических моделей и описаний социальной жизни есть продукт имманентно присущего человеческому сознанию стремления объяснять происходящие в обществе события. То есть тяга к теоретическому поиску сама по себе неискоренима.

Но учитывая догоняющий/полупериферийный статус новейшей российской социологии (и социально-гуманитарных дисциплин в целом), приходится констатировать: подобная ситуация располагает к созданию либо «идейно вторичных», либо «кустарных» теоретических конструкций (и это — не оттого, что конкретные российские социологи «глупее» или «менее продвинутые», чем их западные коллеги). Кроме того, нужно принимать во внимание и отсутствие в России широкого общественного или институционального запроса на построение социологических теорий.

2. Мне кажется, основная задача, которую нужно решить теоретической социологии в современной России, это — медленное формирование интеллектуального фундамента и «повестки дня» для ведения «нормальной исследовательской работы» в условиях фактической полипарадигмальности без впадения в крайности, коими являются как поиски «единственно истинного и всеобъясняющего учения», так постмодернистский гиперкритицизм, оборачивающийся размытием когнитивного поля научной деятельности и утратой критериев «объективности», «воспроизводимости», «универсальной значимости» и т.п., предъявляемых к научному знанию.

Интеллектуальный хаос, возобладавший после крушения гранд-нарратива марксизма-ленинизма, привел к тому, что в «инструментальной сумке» российских обществоведов все смешалось, все перепуталось. Но инструменты нужно разложить по ячейкам, чтобы хоть как-то ими пользоваться. Возможно, создание культуры «конструктивного разномыслия» с опорой на добротное знание классики (прочитанной позже, чем хотелось бы) окажется шагом к будущим теоретическим прорывам. Иначе говоря, критико-аналитическая работа, интерпретация и реконструкция, в т.ч. историческая, уже накопленного в мировой социологии опыта построения научных теорий может стать фундаментом для последующих теоретических «новаций».

По-видимому, ситуацию в теоретической социологии и в России, и за рубежом можно квалифицировать как «кризисную», хотя, очевидно, причины и диагноз кризиса в обоих случаях различны.

4. В целом, малоблагоприятна, и это относится, прежде всего, к востребованности социологического знания государством, бизнесом и т.д., к готовности общества принимать социологию как источник прагматически ценной информации и форму

экспертного знания (реально, а не формально авторитетного), такого знания, которое действительно может помочь по жизни — если и не что-то сделать, изменить, то хотя бы объяснить, разобраться в чем-то.

Если же говорить о форматах существования российской социологии — в вузах, Академии наук, независимых исследовательских центрах, то тут ситуация разная. Академическая социология не будет интегрирована в структуру университетского образования, если сама Академия наук продолжит свое существование как «автономная» институциональная среда, в рамках которой осуществляется производство научного знания.

Разумеется, сотрудничество академических и вузовских социологов будет развиваться, выходить на новые рубежи — и в этом я вижу большой плюс. У вузовской социологии большой потенциал, хотя, скорее, в сфере воспроизводства, популяризации и распространения социологических знаний (есть исключения, но они единичны). Но эти задачи, в сущности, не менее важны, чем собственно исследовательская деятельность. Изменение отношения нашего общества (и даже, в воображаемой, далеко идущей перспективе, государства) к социологии, выход ее из тени — этот путь пролегает через образование, через «социологическое просвещение».

Ведь чтобы иметь мало-мальски адекватное представление о социологии (как, впрочем, и о любой другой области знания и деятельности), ее надо хоть когда-нибудь, хоть в каком-то (пускай минимальном объеме) проходить, изучать в университете. А многие из наших вершителей судеб (находящихся на разных уровнях властно-управленческой иерархии, а также т.н. лидеров мнений, телевизионных «говорящих голов» и т.д.) никогда этого не делали. И немудрено, что социология в их суждениях и делах — не подспорье, не советчик, не указ. Поэтому повсеместное преподавание социологии как общеобразовательной дисциплины в российских вузах могло бы в будущем в лучшую сторону повлиять на положение самих социологов и на имидж социологии как особой сферы когнитивного опыта.

7. Если говорить честно, то РОС, конечно, является в значительной степени ритуальной, полубутафорской структурой, но оно не может быть ничем иным в условиях почти полного отсутствия финансирования и т.д. Тем не менее, несмотря на крайне ограниченные ресурсные возможности (не только материальные, но и человеческие) РОС пытается как-то консолидировать цеховое сообщество, хотя и с минимальными успехами. Понятно, что время от времени проводятся профессиональные конгрессы, конференции (обычно на вузовских площадках, хоть и под эгидой или при участии РОС), выпускаются сборники, организуются дискуссии о статусе профессии, пишутся петиции в защиту «пострадавших за правду», «незаслуженно обиженных» коллег.

В целом, РОС — организация отнюдь не одиозная, как некоторые другие ассоциации отечественных обществоведов, но объективно слабая. Правда, социологи сами во многом виноваты: очень уж низкий в российском социологическом сообществе уровень цеховой солидарности, взаимопомощи, корпоративного духа, гордости за свою профессию, готовности держаться вместе и отстаивать общие интересы и ценности перед лицом влиятельных социальных акторов и институтов (государства, бизнеса, общественного мнения, СМИ и т.д.).

8. Тезис «публикуйся или гибли», озвученный в свое время Р. Мертоном, положенный в основание идеологии наукометрических методик измерения эффективно-

сти исследовательской деятельности, превращается сегодня в заздранно-саркастическое, почти издевательское пожелание: «высокого тебе Хирша, приятель!». Вопрос о том, хороша ли или плоха наукометрия как инструмент оценки труда ученых, является сложным и не может быть решен без множества оговорок и уточнений.

Однако в современных российских условиях эти и без того спорные процедуры оборачиваются откровенным фарсом — показухой, профанацией в стиле традиционного российского искусства строительства «потемкинских деревень». Причем участвуют в этой игре как представители самого научного сообщества (индивидуально и коллективно), так и регулирующие инстанции (вузовское и институтское руководство, фонды, государственные институции и т.д.).

Для вторых наукометрия выступает своеобразным «кнуто-пряником» — удобным средством авторитарно-бюрократического негативно-позитивного стимулирования исследовательской активности. При этом носители административного ресурса, работающие в технократически-менеджеристской модели, апеллирующие к «объективности» и «корректности» наукометрических процедур, могут всегда заявить: «против математики не попрешь, — Вы, батенька, не эффективны!». За этим стоит типично современный паттерн «квантофрени» (современный мир «сходит с ума» от чисел и цифровых форм выражения всего и вся).

Для отдельных ученых и научных коллективов игра по таким навязанным извне правилам — если они действительно внедряются — является, по сути, борьбой за жизнь и за место под солнцем. Если ты хочешь заниматься научными исследованиями, ты должен бороться за финансы, а «логика» борьбы за финансы отличается от логики поведения ученого, ориентированного на получение знания. Поэтому ученый, мотивированный «интернально», т.е. ориентированный на внутренние критерии научной деятельности («поиск истины» и т.п.), часто проигрывает актерам, ориентированным «экстернально» (в т.ч. стремящимся к демонстрации внешнего результата, оцениваемого лицами и институциями, ответственными за распределение ресурсов и оперирующими исключительно «формальными» по сути своей наукометрическими индикаторами).

Лазеек для разного рода имитаторов, а порой и откровенно «нечистых на руку» субъектов, здесь открывается множество, а основной задачей становится успешная фабрикация мнимого научного результата. Конечно, конкуренция за символический (и не только) капитал в поле науки и иных полях интеллектуальной и/или творческой деятельности (verg. Бурдые) — явление не новое, она происходила и раньше.

Но борьба за идеи и отчасти материальные, властные и иные ресурсы (как вспомогательные средства, обеспечивающие условия интеллектуального труда) велась при этом, главным образом, на содержательном уровне. Теперь же она в значительной степени перемещается на страницы отчетов, изобилующих числовыми значениями тех или иных показателей, которые, если разбираться более обстоятельно, сами по себе мало о чем свидетельствуют — разве что о направленном стремлении субъектов научных «практик» их максимизировать.

Но использование квантифицированных индикаторов, лишь создающих иллюзию стерильной математической точности, является исключительно грубым способом оценки реального символического капитала ученых — их репутации, достижений, действительного вклада в науку. Раньше боролись за благосклонность начальства, «близость к телу» щедрого патрона, мецената, герцога, курфюрста, купца и т.п.,

теперь к этому прибавляется необходимость овладения «магией цифр», искусством «псевдоматематической алхимии».

Разворачивание такого объективного фона научной деятельности приводит к доминированию наиболее агрессивных игроков, нацеленных в первую очередь на демонстрацию внешних признаков исследовательских результатов. Следствием этого оказывается выхолащивание самой сути научного труда, направленного на получение достоверного знания. «Слабые» — точнее «медлительные», «честные», «излишне принципиальные» ... etc... — проигрывают в этой все ускоряющейся гонке, а «сильные» — быстрые, «экстернально ориентированные», «нахрапистые» (прочие экспрессивные эпитеты опускаем!) — побеждают. Однако понятно, что качества слабости/силы в области борьбы за ресурсы и в сфере научного поиска принципиальным образом различаются.

9. Варианты ответов, сформулированные в скобках авторами вопроса, звучат очень правдоподобно. Все перечисленное, действительно, образует «неблагоприятный внешне/внутренний фон» для развития отечественной социологии.

10. Разумеется, российская социология продолжит свое существование. Худобедно, но продолжит. Россия — бесконечно сложное, большое, гетерогенное макро-социальное образование, «целая планета». И кому же, как не российским социологам, разбираться в этой «кухне»? Так что хоть чуточку «понять Россию умом» можно и даже необходимо. Как писал в одном интервью И.А. Голосенко, хотя и в другом контексте, «мне и России с головой хватает». Это не значит, что у отечественной социологии не должно быть глобальных, мировых, общетеоретических амбиций и что она обречена на вечную «провинциальность». Просто путь в большой мир начинается с себя, ... собой и заканчивается. Даже общемировые, социетальные проблемы, если смотреть на них из России, предстают перед наблюдателем в особом ракурсе. Скажем, та же набившая оскомину проблема модернизации. Иногда свежий взгляд новичка может разглядеть в привычных картинках и сюжетах то, что замыленный глаз знатока не распознает. Так что у российской социологии есть шанс...

В.В. Радаев:

1. Таковых, скорее всего, нет. И дело не в том, что времена гранд-теорий канули в лету (это утверждение давно стало общим местом). Сказываются традиционные слабости российской социологии, которая, будучи «проблемно-ориентированной», нежели «парадигмально-ориентированной», являет постоянный дефицит в части теоретической работы.

Но и это не главное. Теории все же создаются, в т.ч., и на российской почве. Но теория — это не просто совокупность логически связанных общих утверждений, объясняющих поставленную проблему. Теорией становится то, что признается в качестве таковой профессиональным сообществом (по крайней мере, заметной его частью). И здесь оказывается, что претензии российских теоретиков не признаются за пределами отечества (а возможно, и внутри российского сообщества в силу его фрагментированности). Мы по-прежнему плохо встроены в более широкие академические пространства, нас предпочитают не замечать, и часто имеют для этого основания.

2. Состояние кризиса — нормальное (неизбывное) состояние социологической теории и социологии в целом. В таком состоянии самом по себе ничего дурного нет. Что же касается российских социологов, пытающихся работать в рамках междуна-

ного сообщества, то их мягко, но последовательно выталкивают в изучение родного общества. Так что если где и вносится реальный вклад в мировую копилку, то речь идет об анализе посткоммунистических обществ, которые мы попросту лучше понимаем.

3. Заводская социология исчезла с разрушением советского строя, перспектив ее возрождения нет. Что же касается современной прикладной социологии, то она занялась не социальной инженерией, а скорее производством данных и их довольно поверхностным анализом.

Сейчас в этом отношении мы переживаем (очередной) критический момент. Скепсис в отношении собираемых социологами опросных данных нарастает. Одновременно увеличиваются потоки больших данных, генерируемых в процессе нормальной жизнедеятельности разных структур и не требующих специальных (дорогих и трудоёмких) опросов.

Опросные исследования все же выживут, переключившись в онлайн. Но функция производства данных, которую многие социологи по инерции считают основной, ослабнет. При этом сохранится спрос на аналитические решения и *data-based consulting*, дающие оперативные ответы на конкретные запросы разных стейкхолдеров.

В целом национальный рынок прикладных исследований остается слабым — по сравнению с ситуацией более развитых стран и по сравнению с внутренним рекламным рынком, уступая последнему по объему продаж примерно на порядок. Этот объем в долларовом выражении в последние кризисные годы даже снизился до уровня 2009 года (см. прим. 1). От половины до трех четвертей (по разным оценкам) рынка маркетинговых исследований консолидированы и находятся в руках пятерки ведущих компаний (преимущественно глобальных сетей), а основная часть опросов общественного мнения выполняется полудюжиной отечественных поллстеров (в части политических заказов иностранцам не доверяют).

4. Состояние социологической дисциплины в России по-прежнему незавидное, и оно существенно не улучшается со временем. Сохраняется считанное количество центров, где социология как-то развивается и где готовятся молодые кадры приемлемого уровня.

В количественном отношении вплоть до 2000-х гг. социология росла — по числу студентов и по числу защищаемых диссертаций. Сейчас, полагаю, нас ожидает обратная тенденция — поле социологии будет сужаться.

В университетских образовательных программах социология размывается и замещается маркетингом и другими прикладными (более «хлебными») дисциплинами. Это происходит под лозунгами ориентации на спрос (на социологов формального спроса на рынке труда нет) и под вздохом «жить как-то надо». Либерализация учебных планов в рамках ФГОС третьего поколения и введение собственных образовательных стандартов в ведущих вузах этому только способствуют — свобода нередко используется для убирания социологии из учебных планов. Впрочем, здесь нужно посмотреть статистические данные, за которыми в последнее время не следил.

Поле социологии будет сокращаться не только в России, это часть мирового тренда. Он особенно заметен по длительной тенденции к сокращению полков с социологической литературой в оффлайновых магазинах (все большее число социологических книг перекочевывает на другие тематические полки).

Институты РАН не имеют самостоятельной перспективы вне интеграции с университетами. Исключение составляют сильные институты РАН в сфере естествен-

ных наук. Но парадокс заключается в том, что именно они быстрее и эффективнее будут образовывать альянсы с ведущими вузами (пример Высшей школы экономики и физических институтов РАН), в то время как институты РАН в сфере социальных и гуманитарных наук (за редкими исключениями) мало кого привлекают.

Искусственное разделение университетов и исследовательских институтов в свое время принесло много вреда (и продолжает его приносить сегодня). Сборка может произойти только на базе лучших университетов (по сути единиц) как более живых организаций, подпитываемых молодыми кадрами и вынужденных двигаться под воздействием меняющегося спроса. Хороший пример – все та же Высшая школа экономики. Но этот пример также показывает и пределы трансформации. Под крышей ВШЭ собраны уже почти все сильные кадры по социологии, и выясняется, что черпать далее особенно неоткуда.

5. Советское социологическое сообщество, видимо, было более многополярным. В постсоветское время центростремительные тенденции явно усилились. Основные силы сосредоточены в Москве и Санкт-Петербурге, прочие исключения редки (Новосибирск, из которого, впрочем, тоже уехали многие представители трех-четырех поколений). Центр продолжает оттягивать лучшие силы из периферии быстрее, чем там нарождаются новые кадры. Поэтому в периферийных зонах перспективы нет. Там происходит в лучшем случае инерционное воспроизводство.

Это касается не только академической, но и прикладной социологии. Поскольку основные ресурсы сосредоточены в Москве или идут через Москву, периферия обречена выполнять обслуживающую функцию.

6. Научные школы формируются вокруг сильных лидеров и на базе относительно сильных организаций. Но в тенденции они превращаются в относительно замкнутые клики, слабо коммуницирующие с внешней средой (другими кликами) (см. прим. 2). Причем, объединяются не столько вокруг теорий, сколько на основе личной лояльности и общих политических пристрастий (исключения есть, но они редки).

7. Деятельность РОС следует в целом оценить положительно. Остальные ассоциации по сути «бумажные». Доклады на съездах адекватно отражают реальное состояние социологии, вполне печальное. Интересы к деятельности РОС в молодом поколении (если брать его более динамичную часть) видимо не наблюдается.

В сфере прикладных исследований позитивно отметим деятельность ОИРОМ.

8. Отношение к библиометрическим увлечениям и их формальной институционализации на уровне государственной политики, естественно, двойственное. Обоснованный скепсис здесь соседствует с пониманием отсутствия альтернативы.

Известно, что идеальных измерителей нет и быть не может. WoS и Scopus имеют свои недостатки. В РИНЦ, несмотря на все усилия, накапливается множество мусора, затрудняющего объективные оценки (хотя позитивные продвижения тоже заметны). Но за неимением лучшего, приходится использовать имеющиеся инструменты. В какой-то степени здесь уместна аналогия с данными социологических опросов. Нам всем известны их недостатки, но отказываться от них полностью мы все же не планируем.

Понятно, что библиометрические измерения сугубо формальны, но они тоже многое показывают и дают полезный материал для анализа. Пример такой полезности – возможность выявлять «мусорные» издания и недобросовестных авторов, перекрестные цитирования и дутые фигуры. Специалисты по библиометрии уже многому в этом отношении научились.

Также и с оценкой личного вклада авторов — брать голые цифры недостаточно. Но если чуть погрузиться и поиграть с этими цифрами (хотя бы от общей статистики e-library перейти к статистике по ядру РИНЦ), многое может высветливаться.

Смотреть эти данные полезно и для самих авторов — например, в моем случае распределение числа цитирований не всегда совпадает с моими ожиданиями.

Что же касается международных баз, где отечественные социологи представлены весьма скромно, то игнорировать их бессмысленно, нужно, наконец, взглянуть правде в глаза и сделать соответствующие выводы.

9. Продолжающемуся размыванию социологии способствует коммерциализация профессионального поля, в меньшей степени — политическая ситуация в стране. К причинам можно отнести ограниченный спрос со стороны государства (нежелание «слушать социологов») и еще меньше — со стороны бизнеса.

Но внешние причины, скорее всего, являются отражением внутреннего состояния дисциплины и профессионального сообщества. Это низкий уровень социологического образования (и в части теории, и в части методов). И продолжающееся размывание предметных границ социологии. Оно наблюдается во всех дисциплинах (например, в экономической теории), но в социологии при отсутствии четкого и интегрированного методологического ядра оно идет быстрее и необратимее. Добавляет и критический (рефлексивный) настрой самой социологии как неотъемлемый элемент дисциплины. Никто не сделал столь много для разрушения социологии, как сами социологи. И это не российский, а общемировой процесс.

Это означает, что, при всей важности внешних причин, основные причины неблагополучия всегда следует искать внутри.

10. Социология как дисциплина будет подвержена фрагментации раньше, чем российские социологи успеют выйти на мировую арену в качестве полноправных партнеров.

Сохранение жизнеспособных очагов социологии будет возможно в большей степени за счет ее закоренения в смежных дисциплинах, которые более устойчивы и менее подвержены эрозии. К таким областям следует отнести, например, социологию права, социологию медицины, экономическую социологию. Перспективен будущий альянс с компьютерными науками (разновидности социальной информатики). Не имея собственного прочного фундамента, социология либо размывается, перетекая в другие дисциплинарные области, либо вынуждена цепляться за фундамент других дисциплин и на этом фундаменте продолжать выполнение своей критической интеллектуальной функции.

Более подробно ответы на многие предложенные вопросы изложены мною в следующих изданиях (см. прим. 3).

Примечания

1. Дулина Н.В., Звоновский В.Б., Токарев В.В. Рынок социологических и маркетинговых исследований в России // Социологические исследования. — 2017. — № 12. — С. 110-123.

2. Соколов М.М. Изучаем локальные академические сообщества // Социологические исследования. — 2012. — № 6. — С. 76-82; Губа К.С. Западная теория в петербургской социологии: Между Максом Вебером и Эрвином Гоффманом // Социологические исследования. — 2012. — № 6. — С. 83-96; Сафонова М.А. Сетевая структура и идентичности в локальном сообществе социологов // Социологические исследования. — 2012. — № 6. — С. 107-120.

3. Радаев В.В. Возможна ли позитивная программа для российской социологии // Социологические исследования. — 2008. — № 7. — С. 24-33; Радаев В.В. Российская социология в поисках своей идентичности // Социологические исследования. — 2013. — № 7. — С. 4-17.

Д.М. Рогозин:

1. Геннадий Семёнович Батыгин, Игорь Семенович Кон, Сергей Валерианович Чесноков, Александр Фридрихович Филиппов, Вадим Валерьевич Радаев.

О каждом можно писать много. Обозначу лишь области, в которых считаю вклад каждого неоспоримым: Батыгин — этика и методология социальных исследований; Кон — социология интимности, сексология; Чесноков — природа количественных данных в социальных исследованиях, математическая социология; Филиппов — политическая социология, рецепция классической немецкой мысли; Радаев — социология рынков, экономическая социология.

2. Нельзя находиться в течение кризиса десятилетиями. Разговор о кризисе — это фигура речи для построения собственного дискурса, как, впрочем, и отсылки к новизне и парадигмальности. С отечественной, тем более зарубежной, социологией все в порядке. Развиваются тысячи субдисциплин, количество журналов и монографий (я уже не говорю о статьях) перевалило пределы восприятия одного исследователя. Наука давно стала коллективной. Возможно, в этом причина выявления кризиса теми, кто привык мыслить монологически, отделяя себя от других. Такой исследователь-одиночка обречен на вечное воспроизводство кризиса, но кризис — его личный и никак не затрагивает дисциплины.

3. Падение интереса к заводской социологии — огромная трагедия отечественной социологической школы. Пожалуй, это одно из немногих направлений, где мы составляли фронт исследования практик. Советской заводской социологией можно гордиться. И она вовсе не сошла на нет. Интерес к рабочим, заводским процессам, управлению вновь возрождается. Я вижу новые исследовательские коллективы в Высшей школе экономики, Уральском и Новосибирском университетах, в Томске и Омске. Проблема эмпирической социологии оказалась не в кризисе, а в том, что ее часто отождествляют с полстерскими компаниями. Последние не только к науке, но и к исследованиям часто не имеют отношения. Им, безусловно, важен символический капитал науки.

Но самой научной традиции покупные исследования и обслуживание режима никогда не шло на пользу. Увы, но и Институт социологии попал в такую же ловушку обслуживающего власть учреждения с приходом Горшкова. С грустью вспоминаю времена, когда им руководили Ядов, а затем Дробижева. Потому ни с заводской, ни с прикладной социологией ничего не произошло. Сменяются лидеры и текущие исследования станут явными.

4. Как учебная дисциплина социология — полная чушь. Спасают ситуацию лишь отдельные ученые, кроме преподавания занимающиеся исследовательской деятельностью. Те, кто проводят время в полях, просяживают в библиотеках и архивах, ездят на конференции не как в турпоездку, а активно общаются с зарубежными коллегами, — они еще поддерживают дисциплину на плаву. Все остальное, называемое реформой образования, у меня лично вызывает лишь отвращение.

5. Увы, деление на «центр» и «периферию» — это беда российской социологической школы. Даже в таких мощных и самостоятельных социологических образованиях, как Новосибирский университет, нет-нет слышны подобные рассуждения. От них надо избавляться всеми способами, поскольку за подобными словами стоит лишь страх и психологический инфантилизм. Объективно региональная социология порой куда мощнее и состоятельнее, нежели их столичные коллеги.

6. Новосибирская школа, созданная Рывкиной и Заславской; Школа Шубкина, развиваемая Константиновским; методологическая школа Батыгина; школа критической фундаментальной социологии Филиппова, школа экономической социологии Радаева (сейчас уже вполне конкурирующая с новосибирской школой); школа крестьяноведения Шанина, развиваемая Никулиным, школа социологии права Волкова и т.д. Школ много и людей много.

7. Единственная рабочая ассоциация, на мой взгляд, это Санкт-Петербургская ассоциация социологов. Проведенная ими конференция «Тревожное общество» — это нечто необычное по фундаментальности и теоретической остроте. РОС — умирающая с точки зрения науки структура, поскольку она давно поглощена бюрократическими играми, не имеющими ничего общего с поиском научной истины.

8. Рейтинги — это очередные игры и мода на научные видимости. Нормальные исследователи делают свое дело, ненормальные — накручивают Хирш. Потому и рейтинг в своих высотах очень хорошо выделяет ненормальных. Стоит посмотреть на первую десятку ученых по РИНЦу, и станет ясно, от кого следует держаться подальше, дабы не заразиться вирусом имитации и тщеславия.

9. Я не оцениваю текущее состояние как кризисное. Кризис в головах несостоявшихся ученых и чиновников от науки.

10. Российская социология уже состоялась как самостоятельное теоретическое направление. Нужно лишь внимательней присмотреться к молодым исследователям, хотя бы почитать интервью Бориса Докторовца с поколением 20-30-летних. Беда нашего сообщества заключается в том, что тон в оценке социологии до сих пор задают функционеры, которые так и не стали бывшими.

В.В. Щербина:

1. Потребность в социологической теории велика. Теория — это единственный продукт любой фундаментальной науки, которым могут пользоваться практики. Но! Кроме Сорокина, я не могу назвать российских теоретиков социологии, сопоставимых с Дюркгеймом, Вебером, Зиммелем, Мидом, Парсонсом, Мертоном, Гоулднером, Блау, Хомансом, Дарендорфом, Шюцем и др. Я говорю о тех социологах, кого действительно можно было бы назвать теоретиками.

Однако сам термин «теория» (да и вообще «наука») применительно к социальным наукам требует уточнения. Что касается работ большинства из названных в опроснике относительно современных западных ученых, то многие из них (Гидденс, Александер, Луман, Бурдьё, Валлерстайн) могут быть отнесены к теоретикам лишь поскольку и в той степени, в которой они связаны с интерпретацией и попыткой переформулирования проблем, ранее поставленных и решенных в рамках классической социологии.

Я называю классической ту версию социологии, которая связывала предметный фокус социологии с социальным порядком. Принадлежность же многих других известных западных ученых к числу социологов-теоретиков для меня вообще сомнительна.

2. На первую часть этого вопроса я уже ответил. Что касается второй его части, то, на мой взгляд, речь идет действительно о кризисе, причем о кризисе, который был рожден не у нас, но (поскольку мы во всем следуем тенденциям, типичным для Запада) существенно затронул и представления о задачах социальных наук и в нашей

стране. Речь идет о кризисе, порожденном радикальной сменой представлений о природе социальности, произошедшем на Западе к середине 70-х гг. XX в., в связи с событиями 1968 г. в Париже. Основанием для этого, по моему мнению, стало радикальное изменение модели западной демократии. Именно это изменение сделало популярной и легитимизировало, на мой взгляд, идеологию активизма, социального конструктивизма, плюрализма и конвенционализма.

В рамках этой идеологии изучение природы социальности утратило смысл, поскольку сложность и проблема развития общества в рамках развития демократической традиции свелась к проблеме обеспечения условий для: формулирования, легитимизации, конвенциональных согласований и реализации разноориентированных социальных интересов агентов, представляющих социум. Зачем изучать природу социальности, когда ее легко можно менять.

3. Прикладной социологии, если понимать под таковой направление деятельности, связанное с созданием средств (социальных технологий) и социальных проектов изменений, предназначенных для решения задач в любых сферах социальной практики, — и в нашей стране, и за ее пределами по факту не существует. С натяжкой с прикладной социальной наукой (не уверен, что с социологией) связывают деятельность так называемых социальных технологов. Но хотя постановка вопроса об этом восходит к философам — социальной инженерии (К. Поппер), — в реальности единственная в мире масштабная и более или менее успешная попытка создания такой социологии была реализована в нашей стране в привязке к сфере управления предприятиями. Это направление социологии существовало в стране с начала 70-х до начала 90-х гг. XX в. и было похоронено вместе: а) с идеей трактовки социальных наук как полноценных (что было типично для классической социологии); б) вместе с СССР.

4. По факту, других структур, кроме РАН, для развития академической науки (в т.ч. и социологии) в стране нет. Что касается прикладной науки, то для ее успешного функционирования: а) должны быть созданы структуры, связанные с социальной практикой и построенные на коммерческой основе; б) должен быть сформирован запрос на продукты их деятельности со стороны деловых организаций. Сегодня нет ни того, ни другого.

5. По факту, городов, где в нашей стране занимаются академической социологией, гораздо больше. Это — Нижний Новгород, Пермь, Екатеринбург, Уфа, Казань, Воронеж, Новосибирск и др. Некоторые из этих центров имеют свои школы и свое лицо и не столь провинциальны, как представляется из Москвы.

6. Как мне кажется, научные школы возникают там, где появляется яркий лидер, создающий некий новый подход к решению исследовательских задач, и формируется группа учеников, действующих в этих рамках. Такие школы в свое время возникли в Новосибирске (Заславская, Рывкина), Екатеринбурге (Файнбург), Перми (Герчиков) и др.

7. К существованию разных ассоциаций отношусь спокойно. Основную их функцию вижу в организации конференций, семинаров и т.д., где социологи могут общаться. С этой задачей эти организации справляются. Что до защиты интересов социологов, то я что-то никогда не слышал кем-то внятно сформулированных требований.

8. Я бы не стал переоценивать значимость систем рейтинга, но если они во всем мире существуют, то кошмара не будет, если они будут и у нас.

9. Я уже говорил об этом.

10. Думаю, что главная проблема социологической науки (как у нас, так и за рубежом) состоит в том, чтобы вернуть себе статус полноценной науки (это сегодня проблема всех социальных наук) и утраченную предметную область. Пока предмет науки сегодня размыт, сама наука воспринимается как не вполне наука; пока не ясно, чего от нее хотеть, кроме итогов опросов общественного мнения. Говорить же о теоретическом или методологическом прорыве бессмысленно. У нас на глазах постмодернистская и глобалистская мифология рассыпается. Если мы решим эти задачи первыми, то у нас есть шансы выйти в лидеры мировой социологии.

Комментарии от редакции журнала (В.Н. Николаев)

Конечно, по охвату наш опрос получился довольно скромный, и вряд ли на его основе можно составить репрезентативную картину самосознания и самооощения сегодняшнего российского социологического сообщества. Тем не менее, в ответах экспертов достаточно различий и пересечений, чтобы можно было составить приблизительную картину и набросать вопросы для возможного дальнейшего размышления и обсуждения.

Прежде всего – и здесь нет никакого открытия, это и так все знали – сегодняшняя российская социология представляет собой плюралистическое поле, в котором нет четко обозначенного консенсуса по ряду ключевых вопросов социологии как науки, дисциплины и особого рода занятия. Есть довольно сильно различающиеся понимания социологии, выражающиеся в разных представлениях о ее состоянии и оценках разных его сторон.

Попытаемся эксплицировать и акцентировать эти различия, избегая, насколько возможно, оценочных суждений. При этом мы будем исходить из того, что в точках зрения, представленных в анкетах экспертов, выражены не просто частные мнения, а нечто большее – представления, имеющие более или менее широкое хождение и в бесчисленном множестве контекстов и ситуаций сталкивающиеся друг с другом на практике. Сосредоточение на различиях, а не на сходствах (которые тоже можно проследить, прочитав опубликованные выше ответы), представляется нам с практической точки зрения более интересным и полезным. Соответственно, в приводимых ниже соображениях нет претензий на полный и всесторонний охват.

Первые два вопроса касались состояния теоретической социологии в России. В ответах на них сразу бросаются в глаза следующие различия:

– одни эксперты считают, что значимый вклад российских ученых в социологическую теорию есть, другие – что его нет;

– в случае, когда констатируется наличие такого вклада, приводятся очень разные наборы имен (дореволюционные социологи и социальные мыслители; П. Сорокин; старшее поколение советских социологов, а также иногда исторические материалисты; ныне действующие социологи старшего и среднего поколений);

– по-разному осуществляется соотнесение с международным фоном.

Формулируя эти вопросы, мы ожидали приведение разных доводов, оговорок и уточнений. Они были приведены и их анализ показывает еще несколько различий, более глубоких. Это:

– разные трактовки того, что такое социологическая теория и значимая теоретическая работа в социологии (фундаментальная наука о социальном порядке; мета-теория и/или «герменевтическая» теория; парадигмальная и/или проблемно-ориен-

тированная, формальная и/или содержательная теория; теория, соединенная с эмпирическими исследованиями и значимая для социальной практики; оригинальные теоретические проекты и/или их вторичная разработка, переработка, «апгрейд», компиляции);

– разные понимания и критерии «значимости» теоретического вклада, связанные опять же с разными трактовками «теории»;

– разные понимания «сопоставимости» теоретических вкладов (по публикациям и цитируемости, чаще по самосложившейся символической значимости и репутации и т.д.).

Сюда же добавим еще одно прорисовывающееся различие, которое вряд ли возможно свести к тематике и формулировкам вопросов. Это два способа связывания российской социологии с зарубежной («мировой», «международной»): как части мировой социологии или как чего-то от нее отдельного. «Мировая» при этом определено мыслится как западная, т.е. размещение российской социологии в мировой науке устойчиво мыслится как размещение ее в западной или относительно западной (с вытекающим отсюда, например, видением российской социологии в роли всего лишь «поставщика данных» в контексте международного разделения труда или отведением ей задачи теоретического осмысления российского социального опыта в том же контексте).

Таким образом, мы видим сосуществование разных представлений о теории, значимой теоретической работе («вкладе»), разных шкал оценивания значимости и масштаба теоретической работы, разных критериев выделения значимых фигур и достижений, разных способов сопоставления российской и зарубежной науки, разных способов связывания значимости работы с глобальными, западными и национальными исследовательскими повестками. Различия в решениях относительно значимости/незначимости тех или иных фигур и теоретических работ производны от этих различий и сопряженных с ними латентных (как правило) иерархий.

Следующий важный момент, на который обращают внимание сразу несколько экспертов (в связи с разрывом между российской и зарубежной социологией), – это то, что «масштабность» персоналий и достижений не возникает сама собой, а зависит от целого ряда условий, которые в России и западных странах очень разные. Это разные истории становления и развития социологии, традиции и инфраструктуры, финансовые и иные возможности, разные степени интересности и авторитетности социологии для широкой общественности и специализированных «публик» («аудиторий»), в том числе профессиональных, которые своим признанием и создают «масштабность».

Выделение «значимого» в нашей теоретической социологии и соизмерение его с тем, что «значимо» в зарубежной, затруднено, по крайней мере отчасти, тем обстоятельством, что у нас заинтересованные публики, осуществляющие признание, отсутствуют, и деятельность российских теоретиков протекает в условиях низкой заметности. Попытки повысить эту заметность с помощью индексируемых публикаций на английском языке не гарантируют ее «там» и чаще всего никак не влияют на нее «здесь»; попытки добиться того же с помощью современных медийных возможностей (платформ, социальных сетей, блогов и т.п.) становятся благоприятной почвой для авторитарных личных проектов «сектантского» типа и серьезных смещений в легитимации знания как научного, значимого и экспертного (вследствие выключения из этой легитимации собственно профессионального сообщества).

Отсутствие отлаженной информационной работы (обзоров, рецензий, дайджестов и т.п.) оборачивается тем, что интересные идеи и работы российских теоретиков — а многие эксперты согласны с тем, что они есть, — остаются просто-напросто незамеченными, не получая ни резонанса, ни продолжения и развития. Молодые исследователи, ориентирующиеся на международную аудиторию и карьеру, предпочитают цитировать зарубежных авторов и в большинстве своем не проявляют интереса к российской социологической литературе (даже если цитируемые работы, возможно, уступают в глубине российским).

Эти условия создают ограничения для развития теоретической работы и форм, в которых она может быть реализована. В условиях отсутствия общественной поддержки, интереса и внимания эта работа почти целиком ограничивается рамками личных теоретических проектов, не перерастающих в более масштабные и заметные коллективные «предприятия». (Один из экспертов, напротив, отмечает, что российская социология перестала быть монологической и стала коллективной. Здесь диаметрально расхождение в оценках, по всей видимости, обусловлено разницей в трактовке «теории».)

Приведем еще несколько названных экспертами контекстов, без учета которых невозможно адекватно оценить значимость российских наработок в области социологической теории:

— наша социология, по сравнению с западной, сравнительно молода и развивалась за последнюю четверть века в условиях продолжительного системного кризиса, идеологического вакуума и интеллектуального хаоса, вызванного в том числе внезапным крахом марксизма-ленинизма;

— в наследство от СССР российской социологии досталась крайне узкая профессиональная среда, которая просто не могла за короткий срок вырасти и развиваться настолько, чтобы от нее можно было ждать интеллектуальных продуктов, сопоставимых с продуктами, создаваемыми в совершенно других институциональных условиях;

— возможности развития социологической теории у нас возникли тогда, когда время «больших теорий» уже прошло и разработка новых «парадигм» расценивалась многими как бессмысленное занятие, в силу чего серьезная работа в области теории сосредоточилась в менее ярких и броских жанрах, тогда как единичные попытки строительства новых «систем» и «парадигм» имели очевидно «кустарный» и анекдотический характер;

— в связи с этим встает вопрос о недооценке значимости «вторичной» теоретической работы: это важная часть воспроизводства преемственности и традиции, общего поля, фона, основы для возможных последующих ярких прорывов (сейчас, возможно, не «время первых», а кто-то должен «обжигать горшки»);

— отечественное социологическое теоретизирование с советских времен тяготеет к проблемной ориентированности, что при некоторых трактовках «теории» может расцениваться как «слабость»;

— с другой стороны, с советских времен оно сохраняет в значительной мере оторванность от эмпирических исследований, и это тоже может быть основанием для негативной оценки «теорий»;

— российская социология, в том числе теоретическая, движется в силу сложившихся исторических обстоятельств в русле «догоняющего» развития, что, с одной стороны, легко дает основания для оценки ее как «вторичной», «подражательной», «полупериферийной», с другой стороны, выглядит почти неизбежным в силу ее из-

начальной соотнесенности с западной социологией как единственным референтным образцом (о чем говорилось выше);

– познавательные мотивы в реально делаемой социологии слабы (или ослаблены) в сопоставлении с мотивами, внешними по отношению к ним.

На вопрос о том, можно ли сегодняшнее состояние теоретической социологии определить как кризисное, отрицательно ответил только один эксперт. Остальные в целом согласились с этим определением, сопроводив это оговорками и уточнениями, в т.ч. и таким, что для социологии кризис – нормальное состояние. Некоторые эксперты видят это кризисное состояние как более разрушительное, связывая его с размытием предмета социологии, утратой ею лидерства в области методологических инноваций и сбора данных, ослаблением и измельчением теории, падением авторитета социологии как источника экспертного знания об обществе. Отмечается также, что хотя этот кризис имеет западное происхождение, в российских условиях он наложился на собственные проблемы и слабости, в силу чего рассматривать его у нас и на Западе стоит, вероятно, раздельно.

Третий вопрос анкеты касался состояния прикладной социологии. И здесь эксперты опять же разошлись в оценках.

В отношении прикладной социологии диапазон оценок такой: с ней ничего не произошло, все нормально; прикладные исследования у нас слабы по сравнению с западными и по сравнению с конкурирующими видами исследований; состояние прикладной социологии таково, что лучше бы ее совсем не было; прикладной социологии сейчас нет ни у нас, ни за рубежом.

Такой же разброс мы видим и в отношении заводской социологии: заводская социология исчезла вместе с СССР, и перспектив ее возрождения нет; заводская социология есть и сейчас, она возрождается, но не видна.

Что касается перспектив прикладной социологии, то и их эксперты оценивают по-разному. Оптимистический взгляд связывает их с освоением новых методических и объяснительных ресурсов, активно разрабатываемых в академической социологии. В более реалистических и пессимистических оценках отмечаются неблагоприятные внешние условия (недостаток запроса и поддержки, узость «пространства рыночно координированных обменов»), а также тенденции сужения рынка подобных исследований, частичной потери социологией функции производства данных и вытеснения социологических исследований другими видами исследований.

Внимательное сопоставление суждений экспертов, особенно в части связывания прикладной и заводской социологии, наводит на мысль, что та и другая интерпретируются очень по-разному. Так, в первом приближении, в ответах разных экспертов обнаруживаются:

– отождествление прикладной социологии с эмпирической (опросами, маркетинговыми исследованиями, производством данных и их обработкой);

– связывание ее не столько с эмпирическими исследованиями как таковыми, сколько с созданием средств и проектов изменений для решения практических задач;

– связывание ее с экспертизой и решением социальных проблем в более широком смысле;

– функциональное приравнивание заводской ее разновидности к деятельности специалистов в области HR.

В зависимости от того, какая из этих точек зрения принимается, траектория движения отечественной социологии от советского времени к нашему выглядит по-разному.

С одной стороны, можно трактовать исчезновение советской заводской социологии как симптом потери социологией ее прикладной составляющей; так, двое экспертов отмечают уникальность этого опыта — как одного из «прорывных направлений», которые были в советской социологии, и даже как «единственной в мире масштабной и более или менее успешной попытки создания прикладной социологии», — и оценивают его утрату как трагедию.

С другой стороны, его можно трактовать как симптом российской и, шире, мировой тенденции изменения в самом характере связи социологии с обществом, социологического знания с общественной практикой. В таком случае можно говорить не об утрате социологией прикладной функции, а о трансформации этой функции, оценивая ее опять же по-разному — либо как естественный процесс приспособления социологии к изменению характера экономических (и уже — трудовых) отношений, либо как результат отказа социологии от статуса «полноценной науки».

Дальше этих предварительных набросков мы пойти здесь не можем. Этот узел вопросов заслуживает отдельного специального обсуждения.

В вопросах 4–8 затрагиваются разные аспекты внешних условий и институциональной инфраструктуры, в которых приходится существовать российской социологии сегодня.

В целом, ситуация оценивается экспертами как малоблагоприятная, но это отражение общей ситуации в обществе: других структур все равно нет. С одной стороны, социология в стране институционализировалась как дисциплина, встала на ноги, нарастила интеллектуальный и человеческий капитал. С другой стороны, фон для ее развития — не лучший:

- низкая востребованность социологии в обществе (низкий авторитет социологии как источника прагматически полезного экспертного знания, отсутствие формального спроса на социологов на рынке труда и т.д.);

- низкий уровень подготовки специалистов в большинстве центров;

- общая тенденция сужения поля социологии в стране и в мире.

Положение дел в разных ее институциональных секторах выглядит, исходя из полученных ответов, следующим образом.

Вузовская социология, на которой лежат важные просветительские задачи, живет в условиях бедности, замкнутости, слабой самоорганизации ученых, чрезмерного бюрократического контроля и рыночного давления, тренда размывания и замещения другими дисциплинами в образовательных программах. Хотя есть сильные образовательные центры, общее состояние вузовской социологии крайне неоднородно как с точки зрения финансового обеспечения, так и с точки зрения качества обучения и подготовки.

С академической социологией, насколько это вычитывается из ответов экспертов, дело обстоит не лучше, а, возможно, даже хуже. В условиях обособленности она демонстрирует высокую степень бюрократизации и низкую научную продуктивность. Один из путей решения этой проблемы — возможно, единственный, как отмечает один из экспертов, — состоит в ее интеграции с университетами. При этом, как отмечает другой эксперт, важно соблюсти баланс между исследовательской и просветительской функциями.

Развитие независимых исследовательских центров, помимо отсутствия финансирования, тормозится отсутствием внятной поддержанной обществом повестки и преследованиями со стороны государства.

Что касается деления на центр и периферию, то в большинстве своем эксперты признают его существование, отмечая, в частности, неравенство финансовых возможностей и оттягивание центром (прежде всего Москвой) интеллектуальных ресурсов из регионов. При этом высказывается целый ряд оговорок, в т.ч. вступающих в противоречие друг с другом.

Одним экспертам ситуация видится так, что советское социологическое сообщество было более полицентричным, чем сегодня, что в силу оттока кадров лучшие социологические силы оказались сегодня сосредоточены в двух столицах и что исключений из этого осталось очень мало. В этой картине периферии «выродились», перспектив у них нет, и за ними сохраняется в лучшем случае обслуживающая функция.

Другие эксперты видят ситуацию иначе: в ряде регионов есть сильные школы и центры, не настолько «провинциальные», как они видятся из Москвы, а иногда даже более мощные и состоятельные, чем столичные; от определения региональной социологии как периферийной следует как можно быстрее избавиться; развиваются новые региональные центры с большим потенциалом, и новые коммуникационные возможности благоприятны для их дальнейшего роста. Один из экспертов даже оговаривает, что реализация этой позитивной перспективы нуждается в достаточно сильной и устойчивой местной поддержке, но есть ли она – вопрос.

Что касается школ, то ряд экспертов указывают на то, что в российской социологии они есть. Под школами (там, где это явно проговорено) имеются в виду устойчивые научные группы, образующиеся вокруг сильных лидеров на базе сильных организаций и характеризующиеся особым подходом к решению научных задач. Чаще всего при этом упоминается фактор наличия лидера; большинство школ привязаны к этим лидерам и, как правило, носят их имена. Среди названных экспертами школ – старые школы, возникшие еще в советское время (носящие, наряду с именами лидеров, топонимические обозначения), а также ряд школ, возникших в постсоветский период (они обозначаются именами лидеров, иногда с уточнением в виде направления или области исследований).

Ряд экспертов говорят о спорности применения понятия «школа» к социологии вообще и к нынешним группировкам в российской социологии в частности. В качестве альтернативы предлагаются такие обозначения, как «группы», «прото-школы», «племенные союзы», «клики». В качестве их отличительных черт называются наличие «вождя», личная лояльность, политические пристрастия, выстраивание не вокруг теоретической или методологической программы, а вокруг особого «стиля работы с данными, теориями и методами». Также для этих групп характерны попытки опереться на широкие аудитории (не всегда профессиональные) с помощью социальных медиа. Гипотетически эти группы могут перерасти в школы (что не гарантировано), но скорее школы перерождаются в клики.

В оценке работы профессиональных ассоциаций эксперты отчасти сходятся, отчасти расходятся. Интересы профессионального сообщества эти ассоциации не отстаивают; но, как отмечают некоторые эксперты, и сами эти интересы никак не выражены, уровень цеховой солидарности очень низок, «слабые связи» слабы.

Что касается РОС, то половина экспертов отмечает, что со своей главной задачей – обеспечением возможности собираться и самого широкого представительства –

оно справляется, и эта роль уникально важна, независимо от качества докладов на съездах и иных мероприятиях (другие ассоциации несмещенного представительства не обеспечивают).

В то же время ряд экспертов негативно оценивают деятельность РОС, считая ее «объективно слабой», «ритуальной», даже «умирающей» бюрократической структурой, далекой от научной работы как таковой и — в этом смысле — не репрезентирующей живую российскую социологию. Один из экспертов характеризует другие ассоциации, в отличие от РОС, как «бумажные» (за исключением ОИРОМ). Ещё один эксперт считает единственной рабочей ассоциацией в стране СПАС.

Разноречивые оценки даются и использованию в социологии (и, шире, науке в целом) наукометрических рейтингов. Однозначно положительно их не оценил никто, оценки располагаются в диапазоне от нейтральной или двойственной до сугубо отрицательной. В пользу нейтрального отношения приводятся такие аргументы, как их применение в мире и принципиальная понятность, в пользу негативного — создаваемая ими подмена реальной научной работы бюрократическими играми и «научными видимостями».

Развернутые ответы, данные некоторыми экспертами, прорисовывают более сложную картину, особенно если развести вопросы о:

- качествах самого исходного инструмента;
- особенностях и обстоятельствах его российского применения;
- разном его значении с точки зрения научных и управленческих целей.

Крупные международные (англоязычные) библиографические базы, при всей их коммерческой составляющей, являются полезным инструментом, обслуживающим реальные нужды ученых (поиск релевантной литературы и ориентацию в ней).

В отличие от этих баз, РИНЦ вызывает много серьезных нареканий, причем, похоже, вплоть до противоположных. С одной стороны, отмечается, что в нем много дезориентирующего «мусора», с другой — что он, в силу его изначальной нацеленности на административные и коммерческие задачи, опирается не на полные и надежные научные указатели, а на выборочное (и очень искаженное, смещенное) представление научной литературы.

Еще одно смещение возникает в зоне интеграции российской научной литературы в международные базы, причем двойственное. Выборочная ее представленность в них создает дискриминационный эффект: у журналов, допущенных к индексированию в этих базах, возникает «избирательное преимущество», не зависящее от качества публикаций. Кроме того, доступ международной аудитории к российским публикациям объективно (в силу технической специфики индексирования) затруднен языковой асимметрией. Это создает дополнительные расхождения между фиксируемыми цифровыми показателями и реальной значимостью «вклада» ученого.

Соответственно, инструмент этот, как он есть, оценивается в качестве измерителя реальной научной значимости как «слишком грубый», «сугубо формальный», качества его — как «спорные». Относительно резонности его административного применения высказываются, с одной стороны, мнения, что альтернативы ему нет, что другие еще хуже, с другой стороны — что он приносит больше вреда, чем пользы.

Негативные оценки относятся преимущественно не к самой по себе библиометрии, а именно к ее административному применению и издержкам, которые оно с собой несет. К числу наиболее серьезных издержек эксперты относят следующие. Жесткое использование этого инструмента в управлении наукой и образованием спо-

собствует восприятию его учеными как «бюрократической дубинки». В научную среду привносится логика «борьбы за жизнь и место под солнцем», оказывающая давление на «логику поведения ученого», определенную познавательными целями.

Некоторые ученые не находят себя в этой системе, оказываясь в состоянии дезориентации. Рядом с этим вырастает такой феномен, как несоразмерно высокий вес самого факта публикации на английском языке и в зарубежном журнале, не зависящий от содержательной ценности публикации. На фоне существенных расхождений между неформальными репутациями и формальными рейтингами возникают и развиваются параллельные иерархии. Вокруг этого расцветают «фарс», «показуха», всевозможные фабрикация, имитации, много нечистоплотной коммерции, злоупотреблений, административного произвола. Научная работа замещается и вытесняется отчетами. Ситуация благоприятствует «наиболее агрессивным игрокам», настолько, что один из экспертов прямо предлагает рассматривать высокие показатели как признак научной несостоятельности.

Возможно, как полагает один из экспертов, вопрос в настройке, отладке системы. Но в данное время она используется в неотлаженном виде.

Разумеется, это далеко не полная картина, но, возможно, она поможет в прояснении некоторых важных моментов в этом довольно болезненном на данный момент проблемном поле.

Последние два вопроса касались причин того кризисного состояния, в котором сегодня находится российская социология, и ее перспектив.

Относительно причин кризиса (а большинство экспертов согласились с его наличием) отмечается важность не только внешних условий, но также и внутренних для социологии факторов: кризиса в самой социологии как науке, склонности социологии к критике самой себя, состояния профессионального сообщества, невысокого уровня социологического образования.

В общей оценке дальнейших перспектив нет безудержного оптимизма, но и пессимизма тоже нет; скорее ее можно определить как конструктивный настрой с вариациями в ту или другую сторону. С содержательной стороны, однако, эксперты видят будущее очень по-разному:

- в углубленных исследованиях, прежде всего, российского общества, возможно, с выходом на теоретический уровень;
- в масштабных, общественно значимых коллективных исследованиях, прежде всего сравнительных, международных;
- в дальнейших изысканиях в области социальной теории;
- в необходимости вернуть социологии статус полноценной науки, избавив ее от размывания предметных границ, произошедшего в последние десятилетия;
- в сохранении жизнеспособных очагов социологии путем закрепления их в более устойчивых смежных областях и выстраивания связей с ними.

Для того плюралистического поля, коим является наша социология, эти разные видения ее будущего выглядят более чем естественными.

Мы надеемся, что организованный нами заочный «форум» внесет свой скромный вклад в прояснение того, что происходит с нашей дисциплиной и в каком направлении она движется. Мы выражаем глубокую признательность экспертам за отзывчивость и участие в нашем начинании.